

И мне снилось, как меня любили,
И ни в чем мне не было отказа,
Гребнем золотым чесали косы,
На серебряных санках возили
И читали из таинственной книги
Слова, какие я забыла...

Ольга Седакова

ПРОЛОГ

Зима выдалась морозной, и отец Александр, собираясь к выходу, привычно накинул на голову большой пуховый платок, выданный ему супругой, уложил его концы на груди крест-накрест и завязал на спине. Поверх платка он надел короткий полушубок, а на голову — старый треух. Батюшка был «в штатском» — по нынешним временам так оно спокойнее. Он только что совершил соборование умирающей, и сейчас ее внучка вынесла скромную лепту за труды — немного денег и большой пирог с капустой, завернутый в тряпицу. Батюшка с поклоном принял и упрятал пирог в котомку, где уже лежали, аккуратно скатанные, его церковные одежды. Выйдя на лестницу, он с трудом удержался, чтобы тут же не отломить от теплого еще пирога порядочный кусок, но укорил себя за чревоугодие и бодрой рысью побегал домой — дыхание вырывалось облачком серебристого пара, а борода с усами тут же заиндевели.

Внучка вернулась к умирающей бабке и присела рядом с кроватью, устало сложив руки. Мо-

гучий организм Агриппины Михайловны никак не желал поддаваться смерти, а ведь ей было без малого девяносто три года! Катенька вздохнула и покосилась на величественно возлежащую старуху — даже из скорбного процесса умирания та ухитрилась устроить торжественное действо. Катенька всю жизнь слегка побаивалась Агриппину Михайловну, да и неудивительно: умная и острая на язык бабушка к тому же обладала тайным даром ясновидения и прорицания, который весьма осложнял жизнь семьи. Побоялась не она одна — собственный супруг Агриппины Михайловны иной раз в сердцах обзывал свою вторую половину «иродом Агриппой», правда удалившись на безопасное расстояние и шепотом, хотя, собственно, император Агриппа в отличие от своего деда Ирода Великого никакими особенными злодеяниями не прославился.

От большой некогда семьи ныне осталась одна Катенька — Екатерина Леонтьевна, урожденная Апраксина, по первому мужу Голутвина, а по второму — Смирнова, да ее дети — близнецы Оля и Сережа, которым совсем недавно исполнилось девять лет. Катенька принадлежала к самой захудалой ветви некогда могучего рода Апраксиных, уходившего своими корнями в глубь веков: один из Апраксиных был братом царицы Марфы, супруги царя Федора Алексеевича, другой — флигель-адъютантом Александра I. От бывшего вели-

чия не осталось ничего, кроме фамилии, да и та растворилась в революционном дыму: называться Смирновыми теперь было гораздо безопаснее. Муж Катеньки, Валентин Георгиевич Смирнов, в это время находился около Колонного зала в оцеплении как член народной дружины: несмотря на страшный мороз, народ уже третий день толпился в бесконечных очередях, чтобы проститься с великим вождем пролетариата.

Возвращающийся домой отец Александр торопливо прошел мимо хвоста очереди, но на углу его остановила согбенная старушка:

— Милай, за чем народ-то стоит?

— С Лениным проститься хотят.

— А он что, умер?!

— Да, скончался третьего дня.

Старушка охнула:

— Ильич наш умер! Как же мы теперь без него? Пойду, поплачу. Эх, такой человек и умирает, а нужен-то как...

Священник покачал головой, вздохнул и побежал дальше. Пока отец Александр разговаривал со старушкой, Валентин Смирнов сменился и пошел в служебное помещение, налил себе кипятка в кружку и, грея руки об ее жестяные бока, задумался примерно о том же: «Что же теперь будет?» Потом он обратился к домашним делам: «Как там бабка? Как Катенька?» При мысли о жене лицо Валентина сразу приобрело мягкое и даже неж-

ное, обычно не свойственное ему выражение: они были женаты уже шесть лет, но Валентин до сих пор не верил своему счастью. Как это случилось, что тонкая, изящная, возвышенная Катенька согласилась выйти замуж за такого невежу и простака, как он?!

На самом деле и Катенька не была такой уж возвышенной, и Валентин — простым и невежественным. Образования у него действительно было маловато, но все искупалось острым и цепким умом и сдержанной, но мощной внутренней силой, позволившей ему выжить во всех перипетиях революции и гражданской войны. Сейчас он работал на заводе АМО, которому год назад присвоили гордое имя лидера итальянских коммунистов Ферреро. Валентин с юных лет обожал всякие технические штуки и даже сам собрал мотоцикл, на котором порой катал по двору близнецов: детей Катеньки он сразу усыновил, дав им свое отчество.

Хотя Катенька действительно была женщиной изящной и тонкой, но практичности ей было не занимать. Первый раз она вышла замуж семнадцати лет от роду — ее горячо любимый Сашенька Голутвин погиб в первый год войны, даже не успев получить известие о беременности жены. Катя узнала о его гибели только в 1917 году от захватившего к ней солдата, лежавшего вместе с Сашенькой в лазарете. Этим солдатом и был Вален-

тин Смирнов. Несмотря на то, что революционное время не слишком способствовало любовным устремлениям, он целый год обхаживал поразившую его в самое сердце Катеньку и наконец добился своего. Конечно, обхаживал не буквально целый год: за это время они и виделись-то всего раз пять, а на шестой Катенька приняла его предложение.

Катя обладала совершенно замечательным свойством, которое есть у всех щенков или котят: умение приспособиться к обстоятельствам и людям. Особенно к тем, которые тебя поддерживают и опекают. Конечно, рядом с Валентином выживать гораздо легче! И человек он хороший — верный, надежный. Впрочем, Катенька не особенно задумывалась обо всем этом, а просто жила как живется: не оглядывалась на прошлое, не задумывалась о будущем — будет день, будет и пища. Там, где другая принялась бы рыдать и заламывать руки, Катенька просто принималась за первое же насущное дело. Она ощущала происходящее как неизбежность и каждый день благодарила Бога за все, что он в своей великой милости ей дает, даже за испытания и потери. Значит, так надо. Теперь ей предстояло пережить очередную потерю, и Катенька невольно обдумывала предстоящие хлопоты: «Нужен гроб... Об отпевании с отцом Александром уже договорилась... Да, еще ж поминки придется устроить! Хотя бы сосе-

дей позвать... Место на кладбище есть, но как же яму-то копать в такой мороз? Земля окаменела! Наверняка могильщики запросят втридорога...» Вдруг Агриппина Михайловна зашевелилась и, с трудом повернув голову, прохрипела:

— Катя, ты здесь?

— Здесь я, бабушка, рядом. Водички дать?

— Детей... позови... Проститься... надо...

Катенька вышла и привела близнецов, которые испуганно смотрели на старуху и не хотели приближаться.

— Подойдите, ну что же вы! — шепотом велела им мать и подтолкнула к кровати.

Взявшись за руки, дети подошли поближе. Катя поправила бабке подушки, чтобы та смогла приподняться. Некоторое время Агриппина Михайловна молча рассматривала детей. Катя тоже их оглядела, нежно улыбнувшись: «Горошинки мои! Одинаковые, как из одного стручка!» Дети действительно были очень похожи: рослые, белокурые, с яркими голубыми глазами. Близнецы явно пошли в отца — Александра Голутвина. Сама Катенька была темноволосая и сероглазая, очень хорошенькая и юная с виду, несмотря на то что уже приближалась к тридцати годам.

Вдруг старуха протянула руку и ухватила за плечо Олю, которая стояла к ней ближе. Девочка вздрогнула и попыталась вырваться, но бабка держала неожиданно крепко.

— Не противься... Так надо... — просипела она и закрыла глаза.

Катя обняла прижавшихся друг к другу детей за плечи и внезапно ощутила, как сквозь нее прошла теплая волна, похоже, что дети почувствовали это еще сильнее, потому что задрожали и вскрикнули. Но все тут же и закончилось, старуха отпустила Олю и откинулась на подушку. Она была без сознания, но еще дышала. Близнецы, так и держась за руки, изумленно смотрели на мать. Они как-то изменились, хотя в чем состояло это изменение, Катя не смогла бы определить. Кажалось, в детях еще прибавилось яркости: щеки горели, глаза просто сияли... Катенька даже оглянулась на окно, за которым по-прежнему не было ничего, кроме белесой морозной мглы, а ей было показалось, что на детей упал луч солнца!

— Что случилось, дети? — спросила Катя. — Что вы почувствовали?

— О-о! — воскликнула Оля. — Это чудо! Да, братец?

Сереза, выглядевший гораздо более потрясенным, только кивнул.

— Да что такое?!

— Мамочка, ты не поймешь!

И близнецы, переглянувшись, убежали, а Катя вдруг поняла, что случилось: бабка, умирая, одалила правнуков своей силой! Это тайное семейное умение чаще передавалось через поколение,

но Катенька, на которую бабка возлагала большие надежды, оказалась совершенно бездарной. Близнецы проявили себя еще в младенчестве, так что теперь, после случившегося, следовало ожидать от них чего-то и вовсе не обыкновенного. И Катя сказала себе, что непременно надо объяснить детям, насколько важно держать этот дар втайне. Но близнецы и без ее наставлений прекрасно это понимали, потому что давно знали: они не такие, как все. Бабушка Агриппина, пока еще была в силах, потихоньку объясняла детям, что к чему, и к девяти годам Оля уже хорошо гадала и на кофейной гуще, и на картах, и на деревянном волчке — это она придумала сама. Сережа был послабее, но сейчас, когда к их собственной силе прибавилась бабушкина, стал чувствовать себя гораздо увереннее.

Брат с сестрой были очень близки, настолько хорошо чувствуя друг друга, что могли общаться, даже не прибегая к словам — взгляда бывало достаточно. Они словно жили в своем собственном мире, признавая окружающих в той степени, в какой они могли быть им полезны. Впрочем, мать они любили совершенно искренне и бескорыстно, правда, относились к ней скорее как к младшей сестре или подруге. Перед простодушными взрослыми близнецы привычно и снисходительно принимали невинный детский вид, хотя были пронизательнее большинства из них: вопреки по-

словице, ни одна чужая душа никогда не скрывалась от них в потемках. Вот и сейчас они первые почувствовали смерть бабки, словно она еще раз коснулась их своей холодной рукой. Близнецы просунулись в щелку приоткрытой двери — мать, задумавшись, рассеянно глядела в пространство.

— Мамочка, — тихо сказала Оля. — Посмотри на бабушку. Мне кажется, она не дышит.

Катя посмотрела, потом пощупала пульс — ничего. Да, скончалась Агриппина Михайловна, царствие ей небесное! И Катенька, вздохнув, прекрестилась на висевшую в красном углу икону Спаса Нерукотворного:

— Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежде живота вечного преставившуюся рабу Твою Агриппину, яко Благ и Человеколюбец, и прости все вольные ее согрешения и невольные...